

Александр Андрюхин

ИСКУШЕНИЕ КАССАНДРЫ



Александр Андрюхин
Искушение Кассандры

«Издательские решения»

Андрюхин А.

Искушение Кассандры / А. Андрюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962187-0

Городок потрясает убийство сторожа в местном музее. Сигнализация не срабатывает, из музея ничего ценного не пропадает, если не считать какого-то невзрачного экспоната — пожелтевшего осколка горного хрусталя. Кажется бы, типичный «висяк», но оказалось, что за этим убийством стоит тысячелетняя тайна, которая берет свое начало из осажденной Трои. Этот невероятный клубок, связанный с преступлением в музее, помогает распутать следователю приезжий журналист, который хорошо знает античные мифы.

ISBN 978-5-44-962187-0

© Андрюхин А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	15
5	18
6	22
7	26
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Искушение Кассандры

Александр Андрюхин

Дизайнер обложки Надежда Гордеева

© Александр Андрюхин, 2019

© Надежда Гордеева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2187-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Нельзя сказать, что Астерин ей не нравился. Он был мужчина приятный во всех отношениях. От него, как от преподавателя, таяли все девчонки первого курса: кудрявый блондин с синими глазами и короткой романтической бородкой. Он обладал грациозной осанкой и мягким баритоном, был высок, строен, опрятен; одет всегда с иголочки. Лицо открытое, светлое, взгляд пронизательный, на губах вечная улыбка. На вид – не более двадцати восьми.

Но Александр Федорович замечал только ее. Когда Катя входила в кабинет, его лицо начинало светиться. Во время лекций, он не сводил с девушки глаз. Создавалась иллюзия, что препод читает только для одной студентки. Его внимание к ней было настолько явным, что становилось стыдно. В тот вечер третьего октября она с тремя девчонками и двумя юношами осталась на дополнительное занятие.

– История не развивается стихийно! – говорил он своим мягким баритоном. – В истории все последовательно и закономерно, поэтому, то, что мы имеем сегодня, совершенно естественно вытекло из вчерашнего дня.

У него была удивительная дикция. Этого она не могла не замечать, как человек, заикающийся с детства. Всю жизнь она боролась с этим ужасным недостатком и только в прошлом году перестала посещать логопеда.

– В истории все логично, – продолжал Александр Федорович, – поэтому предсказывать общественные события не представляет особых трудностей, если владеешь фактами, логикой и знанием законов развития человеческого общества. Вот из вас, к примеру, кто-нибудь пытался предсказывать события?

– Я предсказывала! – подняла руку Катя.

– И что ты предсказывала? – улыбнулся историк, и в его голосе прозвучало столько нежности, что юноши скорчили рожи, а девчонки закатили глаза.

– Смерть отца моей подруги... У меня есть подруга в Твери. Ее зовут Аленой... Она старше меня на три года.

– Минуточку! – поднял палец историк. – Потом я с удовольствием послушаю, а сейчас вы должны уяснить одну вещь: в истории все настолько закономерно, что необдуманные поступки всегда чреваты. Причем, без каких либо исключений...

После занятий историк поймал ее за руку, когда она пыталась выскользнуть в коридор за своими сокурсниками.

– Ну, – блеснул он веселыми глазами. – Продолжай! Итак, ты приехала из Твери. А в Твери у тебя осталась подруга Алена.

Последним из кабинета выходил Женя Городецкий. Прежде чем закрыть дверь, он оглянулся и расплылся в понимающей улыбке.

– Можно, Александр Федорович, я расскажу потом? – попросила Катя, томно опустив глаза.

– История не прощает, когда ее откладывают на потом. Здесь и теперь!

Он усадил ее за стол, а сам присел напротив.

– Итак, твою подругу зовут Аленой...

– Ну да, Аленой. Она была самой красивой девочкой в школе. В общем, история короткая, – начала смущенно студентка. – С Аленой мы подруги с детства. Отец у нее был строителем. В то время он работал в Ставрополе. И вот возвращаемся мы с ней вечером с дискотеки, и Аленка мне говорит: «Давай зайдем ко мне. Мама собиралась печь блины». Я согласилась. Стали мы подниматься по лестнице, и вдруг на площадке второго этажа я случайно взглянула в окно и увидела черный гроб, а в нем Аленкиного отца со свечой в руках. Я ей говорю: «Аленка, у тебя умер отец». А она мне: «Чего ты плетешь, он только вчера звонил...» Добе-

гаем мы до четвертого этажа, звоним. Открывает ее мать, вся в слезах, и говорит: «Пришла телеграмма. Папа умер».

Катя закончила и подняла глаза на историка. Историк улыбался, хотя она рассказала чистую правду и за весь рассказ ни разу не запнулась. Это хороший признак. Ее мечта – стать телевизионной журналисткой. В тот вечер не наблюдалось никаких препятствий к осуществлению ее мечты.

– Тяжелый случай, – произнес он. – Однако твое предсказание исходит не от рассудка, а от сердца. Ты, конечно, девушка талантливая, но вдохновение у тебя слепое. Хотя все это детали! Насколько я догадываюсь, это не единственное твое пророчество?

– Не единственное, – ответила она. – Другая история длиннее.

– История не измеряется размерами. Она измеряется временем. А время сейчас располагает... – произнес он и предложил отправиться в кафе. Катя согласилась.

Нельзя сказать, будто она тяготилась тем, что за ней, семнадцатилетней девочкой, ухаживал взрослый мужчина. Катя приблизительно знала, чем это может закончиться. Но в тот вечер еще очень хотелось рассказать про собаку. И она, конечно, про нее рассказала в каком-то милом ресторанчике, не слишком шумном и не слишком людном, за бокалом шампанского и чашкой кофе. В заведении играла ненавязчивая музыка и сновали милые официантки, поднося на столик, то мороженое с орехами, то какие-то соки.

Если коротко о собаке, то случилось это тоже в Твери и тоже в Аленкиной семье за полгода до того, как умер ее отец. У них от «чумки» загибалась Стрелка. Аленка прибежала к ней и сказала, что Стрелка совсем плохая и этой ночью возможно умрет. Мать хотела усыпить ее в ветлечебнице, но Аленка не дала. Катя закрыла ладонями глаза и вдруг увидела Стрелку живой и веселой, кувыркающейся в снегу у Аленкиного подъезда. Она отняла ладони и радостно воскликнула:

– Вижу Стрелку живой и здоровой!

В этот же вечер она ушла к Аленке ночевать. Ей в Аленкиной комнате поставили раскладушку и уложили, как человека. А ночью подползла умирающая Стрелка. Больше Катя спать не могла. Она ежеминутно опускала руку в темноту, гладила дрожащую спину собаки и молила всех святых, чтобы они пожалели ни в чем неповинное животное. И вот среди ночи дверь в комнату отворилась, и в нее бесшумно вошел высокий блондин со светлым лицом и голубыми глазами. Он даже не вошел, а вплыл в их и без того тесную спальню. Его ноги едва касались пола. Точнее сказать, вообще не касались. Аленка спала. А Катя не испытала ни страха, ни удивления, ни беспокойства по поводу того, что в девичьей ни с того ни с сего появился взрослый мужчина. И вдруг гость произнес, не открывая рта: «Нагрей воду до такого состояния, что запястье руки не сможет терпеть, и окуни собаку с головой. Потом напои ее белым и теплым». Произнеся это, блондин улыбнулся белозубой улыбкой и вдруг неожиданно добавил, что они еще встретятся. После чего выплыл из комнаты тем же макаром, что и вплыл.

Катя вскочила, разбудила подругу, рассказала, что ей только что привиделось, и они бросились на кухню греть воду. Нагрев ее до температуры семьдесят градусов, девчонки окунули Стрелку с головой, а затем дали теплого молока. Наутро Стрелка ожила. К вечеру она уже самостоятельно спустилась по лестнице. А на следующий день они отправились с собакой в ветлечебницу. Ветеринары долго качали головами и чесали затылки. «А ведь точно, бактерии собачьей чумы погибают при температуре семьдесят градусов. И молоко тоже убивает бактерии».

По окончании рассказа Катя сделалась пунцовой. Она запнулась только единственный раз, и то в том месте, где описывала блондина, потому что он как две капли воды походил на Александра Федоровича. Историк смотрел на нее умными глазами и, казалось, знал о ней все, даже то, чего она сама не знала.

– Да, ты просто Кассандра, – произнес он мягко и взял ее руку.

Когда Астерин коснулся губами ее пальчиков, сердце девушки замерло. Потом Катя сама не помнила, как оказалась у него дома. Это было похоже на сон: танец под тихую музыку в ресторане, затем еще один бокал шампанского, какие-то ступени в коврах, ухмыляющийся швейцар, такси и, наконец, полутемная прихожая его квартиры.

Девушка начала приходить в себя только после того, как он опустился на колени и принялся расстегивать босоножки. Тогда-то она и предприняла робкую попытку высвободиться из его рук. Кавалер чутко уловил Катино движение и поднял голову. Глаза его были слегка затуманены. Историк нежно поцеловал ее коленку, и она проснулась окончательно.

– Что вы делаете, Александр Федорович? Прекратите! Мне уже надо домой.

– Разве у тебя есть здесь дом? – улыбнулся он.

– Мне нужно в общежитие! Его сейчас закроют.

– Его уже закрыли! – интеллигентно вздохнул он. – Оставайся у меня! Даю слово, что больше к тебе не прикоснусь.

– Нет-нет! Извините! Я не могу!

Она подцепила ногой босоножку и выбежала из уютной квартиры в темный подъезд. Девушка легко сбежала с третьего этажа и оказалась на улице. Вокруг ни души. В радиусе километра ни единого фонаря. Ну и глухомань! Теперь надо выбираться из этого района. Но как?

Нельзя сказать, что Катя была против того, чтобы мужчины целовали ей колени. Просто она к этому не готова. Ей еще так мало лет. Наконец, она об этом еще не думала. Подумает, когда сдаст сессию.

Она направилась в сторону трамвайной линии, но сбилась с пути. Прислушалась. Не слышно ни трамваев, ни машин. Кругом одни девятиэтажки с черными окнами. И больше ничего. Как здесь люди живут?

И вдруг сзади она четко уловила зловещий шорох. Девушка оглянулась и мельком увидела метнувшуюся тень. Катя испугалась и рванула вперед. Она бежала долго, спотыкаясь в темноте о какие-то кирпичи, лавочки, клумбы, детские песочницы. Она бежала и чувствовала, что кто-то невидимый бежит за ней следом и не только не отстает ни на шаг, но даже испытывает наслаждение от ее ужаса. Катя дважды падала в траву, но молниеносно вскакивала и продолжала бежать. От страха хотелось выть, но выть было бесполезно – вокруг ни души.

И вдруг она увидела свет и мотыльком полетела на него. Это горел фонарь во дворе какой-то маленькой церквушки. Девушка добежала до забора, не останавливаясь, понеслась вдоль него и, когда увидела ворота, облегченно вздохнула. Но радость была преждевременной. Ворота оказались запертыми на цепь. Не раздумывая, бедняжка перемахнула через шершавый частокол, сильно ободрав руки, и понеслась к храму. В ту же минуту она с ужасом услышала сзади деревянный скрип: преследователь тоже перелез через забор. Катя подбежала к храму, взлетела на паперть и принялась с визгом молотить по дверям, чувствуя, как это зловещее некто приближается к ней все ближе и ближе. И вдруг в ту самую секунду, когда она уже хотела оглянуться и взглянуть на преследователя, чья-то сильная рука заткнула ей рот и пригнула голову к крыльцу. Последнее, что она увидела, – это серые кирзовые ботинки со сбитыми носами и ржавыми клепками по бокам, вокруг которых были выцарапаны дурацкие лепестки ромашек...

Студентка очнулась от холода. Вокруг было темно и тихо. И по-прежнему ни души. Девушка лежала на паперти вниз лицом с задранной одеждой. Рядом валялись трусики. Ноги были липкими. Катя поднялась и, прихрамывая, направилась к воротам. Она с трудом перелезла через забор, вышла на дорогу и увидела милицкий «УАЗик»...

Милиционеры все поняли без слов. Посадили ее в машину и привезли в участок. Там ей дали телефон. Катя набрала тверской номер родителей и, клацая зубами, выдавила из себя:

– М-мама! З-забери м-меня о-отсюда...

2

Десять лет спустя утром четвертого октября старший научный сотрудник художественного музея Зоя Михайлова спешила на работу. В тот день она решила явиться пораньше, чтобы завершить опись экспонатов музейного фонда. Накануне как всегда поработать не дали: сначала отвлекли телевизионщики, приехавшие снимать выставку восковых фигур, затем – директриса, приказавшая написать аннотацию к гжельскому фарфору, потом неожиданно явились работники ЖЭУ продуть батареи, и, кроме Зои Павловны, больше некому было проследить за ними в подвале.

Слесари возились с полудня до восьми вечера, при этом опустошили две бутылки портвейна и истоптали своими сапожищами все ковры хранилища, но так и не закончили. Они ушли, слегка покачиваясь, бросив в коридоре грязный чемодан с инструментами, масляный моток проволоки и разводной ключ, величиной с лом. Работники ЖЭУ обещали прийти на следующее утро и продолжить профилактическую работу по подготовке к отопительному сезону, поэтому Зоя Павловна решила завершить свою опись до начала рабочего дня, пока никого нет, пока голова свежая, никто не отвлекает и есть возможность немного сосредоточиться.

Словом, когда Зоя Павловна ступила на крыльцо музея, было без пятнадцати восемь. За это она ручается головой, потому что кинула взгляд на часы, чтобы прикинуть время для работы. Часа и пятнадцати минут вполне хватало не только на перепроверку оставшихся экспонатов, но и на то, чтобы наклеить новые ярлыки на фарфоровую посуду восемнадцатого века. Она нажала кнопку и услышала за дверьми мощный рев музейного звонка. «Это не звонок, это противотанковая сирена. Когда-нибудь у какого-нибудь сторожа случится разрыв сердца, и тогда – прощай, Родина», – подумала она и позвонила повторно.

Но сторож не спешил открывать двери. Либо у него уже случился разрыв сердца, либо ему снилось, что он – броненосец «Потемкин». Зоя Павловна снова взглянула на часы и занервничала. Она раздраженно вдавила палец в черную кнопку, и раскат получился таким тревожным, что сидящие на карнизе голуби в замешательстве взметнулись ввысь. Но и этот душераздирающий звук не вызвал в музее никакого движения. Кто сегодня дежурит? Как пить дать, Локридский. Ох, и не нравился же Зое Павловне этот проходимец Локридский!

Она забарабанила по двери кулаками, и дверь открылась сама собой. «Да здесь не заперто?» – удивилась Михайлова и переступила порог. В вестибюле было пусто, но стоял какой-то неприятный, тревожащий душу запах. «Эх, и задам же я сейчас Локридскому», – подумала она, завернув в сторожевую каптерку.

Телевизор в каптерке работал, но сторожа не было. Значит, куда-то отлучился. Сигнализация была включена. На «Рубине» горели все лампочки. Светилась даже ячейка входной двери, которая по идее должна мигать. Зоя Павловна пожалала плечами, выключила телевизор и вернулась к дверям. К датчику входной двери был приляпан пластилином магнит. «Так-так, – покачала головой Михайлова. – Дверь разблокирована, сторожа нет. Заходи, кому не лень и бери, чего хочешь! Ай, да Локридский, ай, да сукин сын...»

Зоя Павловна накинула на дверь крючок, вернулась в каптерку и позвонила в отдел ведомственной охраны.

– Снимите с пульта музей! – сказала она.

– Снимаем! – ответили на пульте.

Научная сотрудница отключила охранный прибор «Рубин» и направилась к себе в кабинет. По пути предстояла одна неприятная процедура – прохождение через зал с восковыми фигурами. Зоя Павловна не из трусливой категории женщин, однако от этих фигур ей было не по себе. Именно от этих, питерских, а не от других. На ее счету музей четыре раза представлял площади различным историческим выставкам с восковыми персонажами, и к ним она

всегда относилась спокойно, но эта экспозиция вызывала у нее отвратительные чувства. Здесь были цари, их жены, дети, а также известные государственные деятели. Больше всего Зоя Павловна боялась Ивана Грозного. Глаза у него были совершенно белыми от бешенства, а жилистые паукообразные руки настолько правдоподобными, что казалось – того и гляди схватят за юбку. Сталин также не располагал к эстетствующему умилению. Он смотрел живыми, черными глазами – жестко и недобро, хотя и мимо. Но чем больше в него вглядываешься, тем сильнее создавалось ощущение, что сейчас он выйдет из оцепенения и повернет на тебя свои блестящие зрачки. Берия из-под шляпы и тонких очков смотрел так, что невольно холодело под ложечкой. Даже Николай Первый таил в себе что-то необъяснимо злое. Вот кто из экспозиции совсем не вызывал страха, так это Петр Первый. В его облике не было ничего безумного, хотя глаза тоже были на выкате, но смотрели они куда-то очень далеко, Бог знает в какие запредельные дали.

Зоя Павловна не без трепета шагнула в темный зал с восковыми фигурами и, покосившись на Ивана Грозного, прибавила шаг. Пока она шла, старалась не смотреть на восковых царей и государственных деятелей с хитрыми прищурами и жуткими руками, но спиной настолько ощущала их присутствие, что последние метры пришлось бежать галопом.

Когда Михайлова вылетела в коридор и захлопнула за собой дверь, то почувствовала, что этот тревожащий душу запах усилился. В темной глубине коридора, где вчера сантехники бросили свои инструменты, лежало что-то черное и объемное. «Никак батареи?» – мелькнула первая мысль. Только с каждым шагом Зоя Павловна чувствовала, что у стены рядом с инструментами лежит не что-то, а некто. «Никак восковая фигура?» – была вторая.

Но когда Михайлова подошла поближе, то взвизгнула так, что заложило собственные уши. Это был сторож Локридский. Он лежал лицом вниз в какой-то ужасной, неестественной позе. Одна рука упиралась в стену, другая закрывала пробитую голову, из которой расплзлась по полу его черная кровь. Именно от крови и исходил этот леденящий затылок запах...

Зоя Павловна, визжа и прикрывая ладонями виски, понеслась обратно: сначала по коридору, затем через зал с восковыми фигурами, стараясь на них не смотреть. Но, когда краем глаза зацепила Ивана Грозного, то завопила с новой силой. Он смотрел в ее глаза и зловредно улыбался. Михайлова выбежала в вестибюль и вдруг с ужасом услышала сзади скрип чьих-то сапог.

Женщина рывком сорвала крючок, пнула ногой дверь и пулей вылетела на улицу. Только пробежав полквартиры в сторону сельскохозяйственной академии, она позволила себе оглянуться. На крыльце музея было по-прежнему пусто, но дверь едва заметно колыхалась, будто ее подергивали изнутри. В тот же миг ей показалось, что стекла двери потемнели.

«Там кто-то ходит!» – мелькнуло в голове, и ноги непроизвольно заплелись. Как на грех на улице ни души. По утрам в этом месте всегда мели дворники, но сегодня их не было. Не было никого и на ступенях сельскохозяйственной академии. А обычно на них всегда покуривали студенты. «Ах да, ведь еще нет восьми...»

Она застучала каблуками по ступеням академии, заметив, что двери учебного заведения открыты настежь. Ей навстречу вышел сонный милиционер с дымящейся сигаретой в зубах.

– Звоните скорее в милицию! У нас сторожа убили! – закричала беглянка, трясясь и оглядываясь на здание музея.

Милиционер вытаращил глаза и застыл точно греческое изваяние, не понимая ни слова из того, что ему прокричали. Наконец, некое подобие мысли мелькнуло в его сонных глазах.

– Где убили? В выставочном зале? – спросил он.

– Да-да, в музее! – закивала Зоя Павловна, указывая рукой на здание, из которого только что дала деру.

Милиционер пнул сигарету мимо урны и, резко развернувшись, нырнул в вестибюль академии.

3

Двадцатишестилетний следователь прокуратуры Тарас Карасев сидел в своем крохотном кабинете, заваленном полуистлевшей документацией, и скучно зевал. Когда неделю назад он вселился в эту каморку, то железно решил, что первым делом выбросит отсюда все эти пыльные, желтые папки, сломанные стулья и четыре печатные машинки «Башкирия». Заглянув в сейф и обнаружив в нем три десятка пустых бутылок, следователь подумал, что их тоже следует выбросить на помойку и лучше всего – вместе с сейфом. Он намеревался это сделать в конце недели, но ближе к пятнице понял, что даже если ему и разрешат капитально обосноваться в этой мышиной норе, положения это не спасет. Нужно не мусор выметать отсюда, а самому выметаться из этого волжского захолустья, и куда-нибудь подальше, скажем, – в Москву.

Карасев пять лет назад окончил юридический факультет местного университета. Окончил с отличием, а что толку? Ну, следователь он сейчас по особо важным делам, и что? Где эти особо важные дела? Где коррумпированная мафия, где вооруженные банды, где изощренные убийства с целью политического шантажа, запугивания и перехвата финансовых потоков, где, наконец, неслыханные по своим размерам и дерзости ограбления и похищения людей? В этом городишке не то, что банкира, ни одного депутата не грохнули. Да, и кому нужны эти провинциальные депутаты? За что их грохать? За принципиальную позицию? Но у них нет никаких позиций. Есть только мечты. Точнее, одна мечта на всех – найти хорошую должность в Москве.

Хотя полгода назад одному депутату Законодательного собрания засветили кулаком под глаз. Причем, в его же собственном подъезде. Разумеется, случайно, по-пьяни. Это потом уже совершенный инцидент законодатель попытался представить как политическую акцию. Но достаточно было взглянуть на физиономию местного «засветителя» (то бишь, преступника), что бы сообразить, что подобный порыв снизошел на него исключительно с бодуна, а вовсе не из каких-то патриотических побуждений.

Здесь все преступления с бодуна. Кражи, разбои, насилия, убийства – все с легкой руки зеленого змия. Для этого Тарас пять лет штудировал криминалистику, чтобы разбираться с подробностями того, как слесарь дядя Гриша тюкнул топориком лавочницу тетю Клаву за то, что та не дала на опохмел? Или как какой-нибудь чувачок Колёк уделал трубой какого-нибудь Санька, за то, что тот не дал закурить? Разве не труба? В этом гнусном городишке все ничтожно и карикатурно, даже преступления.

Сделав такой вывод и решив хлебнуть кофейку, Тарас отправился с чайником в туалет, но внезапно раздался телефонный звонок. Звонил Леонид Григорьевич, прокурор.

– Карасев, ты хотел заняться расследованием запутанного дела? Езжай немедленно в художественный музей, там убили сторожа.

– Сторожа? – удивился Карасев. – Кому он понадобился?

– Вот и выясни, кому. Узнай, может, пропали какие-нибудь ценные экспонаты. Ну, и так далее... Не мне тебя учить.

Шеф положил трубку, а Карасев грустно покачал головой. «Ну, начальник лопухнулся. Неужели в местном музее еще имеются экспонаты, из-за которых возможны убийства? Мужик, ты сам-то понял, что сказал?», – мысленно воскликнул Тарас и поставил чайник обратно в шкаф. После чего поморщился, предчувствуя, что в каптерке у сторожа отыщет минимум четыре бутылки какой-нибудь политуры с отпечатками пальцев его же соседа по дому и максимум два селедочных скелета на промасленной газете. «М-да. Жизнь не радует разнообразием», – со вздохом подумал сыщик и спустился к дежурным.

– Машина свободная?

– Свободная-то она свободная, да бензина нет, – зевнув, ответил дежурный офицер. – А тебе куда?

– До музея.

– Так здесь два шага пешком. Туда, кстати, уже выехал милицейский наряд и эксперты. Если не хочешь идти, подожди. Через час освободится прокурорская тачка.

– Ну нет! Пока я буду ждать, менты затопчут все следы.

Карасев отправился пешком, с досадой отметив, что в этом чертовом Ульяновске даже выехать на место преступления проблема. Вот уж воистину классическая дыра.

Через пятнадцать минут он уже был на месте. У ворот музея стояло целых два «УАЗика» – из УВД и из центральной экспертизы. Только представитель прокуратуры явился пешком. Стыдоба! В вестибюле столпились смущенные сотрудники музея.

– Кто первый обнаружил труп? – сходу спросил Карасев.

– Я! – ответила женщина лет пятидесяти, сверкнув серебряными очками. Она была бледной и напуганной, однако держалась с благородным достоинством.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Старший научный сотрудник Зоя Павловна Михайлова.

– Спасибо. А кто последний видел сторожа? – строго сдвинул брови Карасев, переводя взгляд на остальных, столпившихся за ее спиной.

Все стали растерянно переглядываться, тыкать друг в друга пальцами, отпираться, и в конечном итоге выяснилось, что последним убитого сторожа также видела Зоя Павловна Михайлова.

– Так-так, – подозрительно сощурился Карасев, – значит вы вчера ушли домой позже всех, а сегодня явились на работу всех раньше? Так?

– Выходит, что так, – растерянно пробормотала Михайлова. – Но я вчера задержалась из-за слесарей. Мы ушли вместе.

– Пардон! Как вместе? – вмешалась директриса, стройная шатенка лет сорока. – А кто же сдавал музей на пулът?

– Вообще-то... я сдавала, – растерялась Зоя Павловна. – Я имела в виду, что со слесарями мы вместе вышли из хранилища и дошли до вестибюля...

– Так и говорите, – подняла палец директриса, – что именно вы ушли из музея последней, и не надо, пожалуйста, валить на слесарей.

Зоя Павловна сделалась пунцовой.

– Что вы этим хотите сказать, Алла Григорьевна? Что это я убила сторожа?

– Я хочу сказать, Зоя Павловна, что нужно говорить как есть, а не запутывать следствие на предварительном этапе, – нахмурилась директриса.

Глава музея перевела преданный взор на Карасева, а тот, внимательно выслушав перепалку, вдруг спросил у Михайловой:

– Вы всегда уходите с работы позже всех, а приходите всех раньше?

– Нет, не всегда, – замялась Михайлова. – Я ухожу как все. Просто так получилось, единственный раз... Извините...

Ее глаза растерянно забегали, а у директрисы глаза сделались стеклянными. Она побагровела и опять открыла рот, чтобы вставить еще что-нибудь разоблачительное, но Карасев не дал:

– Понятно. С этим мы разберемся потом. А сейчас проводите меня к месту преступления.

Алла Григорьевна с готовностью провела его через зал с восковыми фигурами, толкнула дверь в коридор, но дальше не пошла. В коридоре копошились криминалисты. Они сдержанно приветствовали коллегу и сразу ввели в курс дела:

– Его отоварили разводным ключом, – доложил судебный медик Саша. – Судя по всему, было нанесено два удара сзади. Первый – в висок, второй – в макушку. От второго удара была

проломлена черепная коробка. Смерть наступила мгновенно. Это произошло около одиннадцати вечера.

Карасев взглянул на скорченный труп. Отоваренный ключом покоился вниз лицом в луже собственной крови. Одна рука с растопыренными пальцами упиралась в стенку, другая – зажимала проломленную голову. Рядом лежал огромный разводной ключ, головка которого была черна от запекшейся крови. Тут же у стены стоял чемодан с инструментами слесарей, а чуть поодаль валялся масляный моток проволоки.

– Отпечатки пальцев сняли? – спросил Карасев.

– Отпечатков на ключе нет, – развел руками бородатый криминалист по фамилии Соколов, которого все звали «Соколиный глаз». – По всей видимости, убийца был в перчатках. Или потом стер отпечатки.

– Стер отпечатки? – удивленно вздернул брови Карасев. – Интересно... А следы обуви есть?

– Следов обуви тоже нет! – пожал плечами криминалист и достал сигарету. – Вернее, посторонних следов нет. Есть несколько следов сотрудников музея. Женских ног. Но удар явно не женский. Здесь нужно обладать недюжинной силой, чтобы пробить черепушку.

– Я понял! Ручки двери смотрели?

– На дверной ручке отпечаток одной женской ладони. И на крючке отпечаток той же ладони.

Карасев задумался.

– Интересно... Ну, а... в комнате сторожа отпечатки на бутылке, на стаканах...

– Никаких бутылок не обнаружено, – покачал головой «Соколиный глаз». – На чашке есть отпечатки. Судя по всему, сторожа. Из чашки пили чай. Водку не пили. На телефонной трубке есть отпечаток той же женской ладони, что и на ручке двери. Что касается стаканов, они чистые. Из них не пили.

– Хотите сказать, он был трезвым? – кивнув Карасев на труп.

– Абсолютно. Конечно, точно, покажет экспертиза, но по предварительному осмотру никаких признаков опьянения не обнаружено.

– Очень странно... – пробормотал Карасев и, бросив долгий взгляд на тело, отправился в каптерку.

В каптерке не было никаких следов пребывания посторонних. По всей видимости, алкоголь не распивали. Если распивали, а потом унесли, остались бы следы закуски. Если бы унесли и следы закуски, остались бы крошки. Нет! Посторонних в каптерке точно не было. Также не было никаких следов беспорядка. Все мирно, чинно и как будто на своих местах: электроплитка на подоконнике, чайник на электроплитке, чашка с недопитым чаем на столе, телевизор на тумбочке. На топчане страницами вниз лежит раскрытая книга Набокова «Лолита». Книга, судя по всему, сторожа.

Все признаки того, что убийство для этого городишки явно нетрадиционное, то есть, совершенно на трезвую голову, да еще без отпечатков пальцев.

Карасев покинул каптерку и направился в кабинет директора.

– Мне нужно поговорить с сотрудниками музея, – сказал он директорше.

– Пожалуйста! – с готовностью ответила она. – Можете в моем кабинете. Кого пригласить?

– В первую очередь Михайлову. Кстати, вы уже осмотрели музей? Экспонаты все на месте?

– Сейчас производим тщательный осмотр, но, исходя из беглого осмотра, кажется, ничего не пропало. Во всяком случае, наиболее ценные музейные реликвии на месте.

– Это какие? – поинтересовался Карасев.

Алла Григорьевна расплылась в счастливой улыбке.

– Жемчужиной нашего музея является портрет Екатерины Второй кисти неизвестного художника. Картина, слава Богу, цела.

– Эта не та ли, что четыре метра в высоту и три в ширину?

– Совершенно верно. Она. Из-за размеров похищение шедевра представляет некоторую сложность. Но есть у нас картины и поменьше, например: «Ева с гранатом». Она всего три на два. К счастью, и она на месте.

– То есть самое ценное в музее – это самое объемное? – догадался Карасев, не в силах подавить улыбку.

– Да нет, почему? – нахмурилась директриса, не понимая сарказма. – У нас есть и довольно мелкие экспонаты, которые представляют собой региональную ценность. Например, гжельский фарфор. Он тоже не тронут...

– Я понял, – перебил Карасев. – Скажите, а в фондах музея есть что-нибудь такое, из-за которого можно убить человека?

– Ну... – задумалась директриса. – Чтобы убить, таких ценностей конечно нет, но вообще, шедевры, пусть не мирового, а регионального значения, в наших фондах имеются. Например... Э... Вот... Ну, сразу навскидку я сказать не могу. Надо посмотреть списки. Кстати, мы как раз обновляем списки фондов. Зоя Павловна этим занимается. Но вряд ли в подвалах что-нибудь пропало.

– Почему?

– Потому что подвалы на замках. А замки все на месте. Мы уже проверили. Зоя Павловна вчера сама лично все закрыла. После слесарей.

– Словом, куда ни взгляни, все дороги ведут к Зое Павловне, – улыбнулся Карасев, утомившись от директрисы. – Что ж, зовите ее, раз она последней ушла из музея! Кстати, кто сегодня пришел вторым после Зои Павловны.

– Александрова из отдела Гончарова...

4

Через некоторое время в кабинет вошла Зоя Павловна и робко присела на краешек стула. Выглядела она весьма не здоровой. Ее глаза были испуганными, губы белыми, пальцы дрожали.

– Вы действительно думаете, что это я убила Локридского? – спросила она надорванным голосом.

– Почему вы так решили? – поднял брови Карасев.

– Алла Григорьевна мне сказала, что я подозреваемая номер один. Это правда?

Карасев не смог сдержать улыбку, подумав, что этим средневолжским холмсам уже все давно известно. Ох уж эти провинциалы! Они всегда все знают наперед. У них свои соображения и версии, и следователи с красными дипломами для них вечные дилетанты.

– Успокойтесь, Зоя Павловна. Я еще ни к какому решению не пришел, – ответил Карасев. – Лучше скажите мне, в котором часу вы вчера ушли из музея?

Михайлова страдальчески сморщила лоб и уставилась в пространство. После некоторых раздумий она неуверенно произнесла:

– Кажется, около восьми. Точно! Было без пяти восемь, когда сантехники допили свою вторую бутылку. Первую они откупорили в половине шестого. Это я помню хорошо. Потому что услышала внизу шлепок от пробки и сразу посмотрела на часы. Я спустилась в подвал – и точно! На столике уже был приготовлен сырок, и один из них разливал по чашкам «Портовейн». Я им сказала: «Учтите, в шесть заканчивается мой рабочий день, и я закрываю подвал независимо от того, успеете вы со своими батареями, или нет». Словом, предупредила, что сидеть из-за них не намерена. Мастера заверили, что до шести закончат и с батареями, и с бутылкой, хотя у них с продувкой еще, кажется, конь не валялся. Так вот, в шесть они только начали откручивать первую заглушку. Я естественно, была рядом и наблюдала, как они работают. Им, видимо, надоело, что я за ними надзираю, и они ушли за шкаф. Развели там бурную деятельность: начали стучать, скрежетать ключами. Я дважды поднималась вверх, а они там все скрежетали и стучали. Но это так, для отвода глаза. Главное для них было – оприходовать бутылку.

– Зачем же вы поднимались вверх? – спросил Карасев.

– Как зачем? Все уходят домой, а я сижу в подвале с двумя мужиками. Мне директриса велела сидеть до тех пор, пока они не закончат. А потом она велела сдать музей на пульт. Ну, я сидела и ждала, как велела директриса, а вовсе не потому, что мне очень нравится оставаться после работы. Где-то часам к семи мое терпение лопнуло. Я заглянула к ним за шкаф и увидела, что они откупоривают новую бутылку. Ну, я, разумеется, начала ругаться, а они: «Зоя Павловна, еще пять минут и уходим». После этого прошло не пять минут, а пятьдесят. Я засекала. В восемь мы обычно сдаем музей на пульт. Тут мне ничего уже не оставалось, как просто их выгнать. Они хотели оставить свои грязные инструменты прямо в хранилище, но я не позволила. Слесаря бросили чемодан с ключом и проволокой в коридоре...

Тут Михайлова осеклась и испуганно подняла глаза на следователя. Следователь улыбнулся.

– Что же вы остановились, Зоя Павловна? Продолжайте, я слушаю.

– А чего тут продолжать? Получается, я виновата, что убили Локридского. Если бы я позволила слесарям оставить инструменты в подвале, тогда бы, возможно, сторожа оставили живым, поскольку его прибить было бы не чем. Но поймите, в хранилище не должно быть ничего постороннего.

– Я понял, понял! Пожалуйста, дальше, – нетерпеливо защелкал пальцами Карасев. – Итак, сантехники бросили свой инструмент в коридоре и проследовали на выход...

– Ну да! На выход! Они вышли на улицу, а мы со сторожем начали сдавать музей на пульт. Сначала сделали пробную сдачу. Объект на пульт взялся. Потом, после того, как я вышла из музея, сторож закрыл за мной дверь, и я увидела, как перестала мигать лампа сигнализации, которая находится в предбаннике. Это значит, что сигнализация принялась нормально.

– Вы перезванивали из дома?

– А зачем? Если бы сигнализация не принялась, за мной приехали бы ночью. Из вневедомственной охраны любят приезжать ночью.

– С этим понятно! – поднял ладонь Карасев. – Вчера вы ушли на два часа позже, а сегодня явились на час раньше. С чем это связано?

– Дело в том, что мы ежегодно обновляем список экспонатов музейного фонда, – занервничала Зоя Павловна. – Я хотела сегодня утром до начала работы завершить этот список, чтоб над душой никто не висел, потому что днем нет никакой возможности. Сами понимаете! Без конца дергают: то начальство, то корреспонденты, а тут еще жэковские работнички свалились на мою голову...

– Понятно, – нетерпеливо перебил Карасев. – Скажите, в котором часу вы сегодня пришли на работу и кто вам открыл дверь?

– Дверь? – удивилась женщина. – А дверь никто не открывал. Она была открытой. То есть – незапертой. Но сначала я этого не заметила. Подошла к двери, посмотрела на часы – было без пятнадцати восемь – и стала звонить. Звоню – никто не отвечает. Тогда я стала барабанить кулаками, и тут увидела, что дверь не заперта. Ну, я, естественно, вошла и сразу направилась в комнату к сторожу.

– Минуточку! Если вы открыли дверь, то должна сработать сигнализация. Должно замигать лампочка и зазвенеть сирена!

– Нет! Ничего не замигало и не зазвенело. Сигнализация не сработала. Потому что к датчику на двери был прилеплен магнит. Пластином. Но это я заметила потом, когда вышла из каптерки. А когда зашла в комнату сторожа, увидела, что все ячейки на «Рубине» горят, и лампочка входной двери тоже горит. Тогда я вернулась к входным дверям и увидела, что к датчику прилеплен магнит.

– Так-так... – насторожился Карасев. – Значит, дверь была разблокирована посторонним магнитом. Ну и вы его, естественно, отлепили.

– Я? Нет, не отлепляла.

– Почему?

– Не знаю. Как-то не пришло в голову. Да и стул для этого нужен.

– То есть, вы хотите сказать, что он до сих пор там висит?

– Наверное! – пожала плечами Зоя Павловна.

– Пойдемте, покажете! – поднялся со стула Карасев.

Они отправились в вестибюль, где растерянными кучками толпились сотрудники музея, которые совсем не собирались расходиться по своим местам. При виде следователя они притихли и замерли, уставившись на него. Однако никакого магнита на датчике не оказалось. Следователь обследовал пол, заглянул под ковер, даже вышел на крыльцо. После чего вопросительно уставился на Михайлову. Но та в ответ только развела руками.

– С утра был! Видела собственными глазами...

Их окружили любопытные работники музея. Узнав, в чем дело, они добровольно присоединились к поискам пропавшего магнита. Когда служащие совместно с криминалистами перерыли весь вестибюль, Карасев попросил эксперта обследовать датчик. «Соколиный глаз» тут же взгромоздился на стул и застыл на нем с увеличительным стеклом. Присутствующие перестали дышать. Скрупулезно осмотрев косяк через лупу, эксперт цокнул языком и нанес на датчик порошок. Однако пальчики не проявились. Бородач спрыгнул со стула и доложил:

– Пластин на датчике был. Подтверждаю. Цвета коричневого. Свежести не первой. Магнит прикреплялся к нему на два пластилиновых катышка. Все было сделано очень аккуратно: пальцы не коснулись датчика. Также аккуратно магнит был снят.

– Кем? – нахмурился Карасев.

– Я знаю, кем! – воскликнула уборщица. – Точнее, кем, не знаю? Зато знаю, где лежит магнит. Он у сторожей на шкафу. Пойдемте, покажу!

Представители органов направились в каптерку за техникой. За ними двинулась вся толпа музейных служащих. У входа в каптерку Карасев обернулся и тактично объяснил работникам культуры, что расследование преступления – дело больше индивидуальное, нежели коллективное. Директриса сразу поняла намек и в приказном порядке попросила всех разойтись по своим кабинетам. Однако никто не разошелся.

В это время уборщица подставила к шкафу стул и, забравшись на него, начала энергично шарить по поверхности. На шкафу стояла посуда, в шкафу висела грязная роба, а под ногами валялась старая обувь.

– Вот здесь он был! А сейчас нет. Это был общий магнит. Им пользовались все сторожа, – лепетала уборщица, обшаривая верх ладонью.

– Что, значит, пользовались? – удивился Карасев.

– Да неужто не понимаете? – в свою очередь удивилась уборщица. – Вещь для сторожей необходимая. Если требуется среди ночи куда-то отлучиться, нужно прилепить магнит на дверной датчик и преспокойно дуй во все четыре стороны.

– Как это дуй? – сделала большие глаза директриса.

– А что? Музей все равно под сигнализацией, – не моргнув, ответила техничка.

– А входная дверь пусть остается открытой?

– Ну и остается! – пожала плечами уборщица. – А кто об этом знает? Кому в голову взбредет ночью пойти в музей, когда в него и днем-то никто не ходит.

Алла Григорьевна сделалась пунцовой.

– И часто, таким образом, сторожа отлучаются ночью? – сверкнула глазами директриса.

– А это уж я не знаю, – развела руками уборщица. – Я ночью здесь не присутствую... в отличие от некоторых...

Глаза Аллы Григорьевны сделались еще больше. Она хотела разразиться несусветной бранью, но тут эксперт потребовал второй стул. Взгромоздившись на него, «Соколиный глаз» в глубочайшей тишине принялся обследовать поверхность шкафа через свою фирменную лупу. Обнюхав каждый сантиметр, он спрыгнул на пол и с досадой бросил техничке:

– Зря вы сейчас там руками шарили!

– Эх, Вера, Вера! – всплеснула руками директриса. – Ну, кто тебя учил по шкафам шарить? Ты затерла все отпечатки.

– А там и не было никаких отпечатков! – нагло заявила уборщица. – Там была только пыль.

– Вот пыль как раз и была мне нужна, – процедил сквозь зубы эксперт.

– Вспомнила! – хлопнула себя по лбу уборщица. – Пыли там тоже не было. Я три дня назад ее стерла.

– Одного другого не легче, – закатила глаза директриса.

– Когда стирали пыль, магнит видели? – спросил Карасев.

– А как же! – вскинула руки уборщица. – Хотя вру! Магнита не было. Ей Богу! Даю башку на отсечение, три дня назад магнита на шкафу не было.

– А кто дежурил три дня назад? – спросил следователь.

– Локридский дежурил, – ответила директриса.

5

Через час вся эта нелепица начала раздражать Карасева. Никаких следов, никаких зацепок, никаких мотивов. Магнит исчез. Отпечатки пальцев на шкафу затерла уборщица. Не обнаружено никаких доказательств, что в музее находились посторонние. К тому же, ничего не пропало, кроме магнита. Однако если магнит утром был, а сейчас его нет, следовательно, его снял кто-то из сотрудников. «Оказывается, все не так просто», – задумчиво грыз ручку Карасев, сидя за столом в директорском кабинете.

Прежние расследования дались легко. Через минуту после осмотра трупа Карасев уже знал о мотивах убийства и четко представлял, где искать преступника, его сообщников и свидетелей. А сейчас он даже смутно не предполагал, в каком направлении двигаться дальше?

До разговора с Михайловой Карасев был уверен, что сегодня во что бы то ни стало он отыщет магнит. Но после получасовой беседы с научной сотрудницей, следователя одолели сомнения по поводу существования улики. Ведь кроме магнита Зоя Павловна еще видела улыбающегося Ивана Грозного, и слышала скрип его сапог. А потом через стеклянные двери лицезрела царский силуэт. Она явно намекала на то, что исчезновение магнита дело рук восковой фигуры.

«Ну да. А как же иначе? – усмехался про себя Карасев, разгрызая пополам ручку. – С такими свидетелями можно далеко пойти...»

Разумеется, это не означало, что магнит не существовало вообще. Он явно был. Им широко пользовались охранники. Тем более что, по словам эксперта, на датчике остался пластилин. Вполне возможно, что музейная работница его действительно видела, но не обязательно сегодня утром. Это бывает от страха, когда ум заходит за разум и память начинает вываливать наружу все подряд. Но если магнит действительно утром висел на датчике, то кто же мог его снять?

Карасев сорвал телефонную трубку и набрал номер вахтера.

– Скажите, кто сегодня из персонала выходил на улицу?

– Никто, – ответила вахтерша.

– В музее есть еще выход?

– Есть черный ход во двор. Но им не пользуются уже три года. Он ведет сразу на второй этаж.

– У кого ключи от черного хода?

– У Зои Павловны.

– Только у нее?

– Кажется, да.

– Спасибо! Сантехники еще не появлялись?

– Нет.

– Как появятся, дайте знать.

Карасев бросил изгрызенную ручку в корзину и отправился к криминалистам. Они уже завершили работу, осмотрев и обнюхав все залы и углы музея, не забыв также снять отпечатки пальцев у сотрудников музея.

– Есть что-нибудь интересное? – поинтересовался Тарас.

– В подвале обнаружены следы мужских резиновых сапог сорок третьего и сорок пятого размеров. Там текло из батареи, и от этого на полу образовалась ржавая лужа. Так что следы получились довольно четкие.

– Это ноги слесарей! – отмахнулся Тарас и отправился к милиционерам.

– Магнит нашли?

– Нет! С магнитом глухо, – развел руками милицейский следователь. – По логике, от него должны были избавиться сразу: либо бросить в мусор, либо смыть в унитаз. Мусорные корзины мы проверили, в унитазах полазали. Магнита нет. На данный момент пока все. Но мы еще ищем.

– Когда снимали отпечатки, заметили у кого-нибудь из сотрудников частички пластилина?

– Ничего мы не заметили. Честно говоря, на пластилине мы не сосредотачивались. Для того чтобы сорвать с датчика магнит не обязательно касаться пластилина.

– А чтобы прикрепить?

– А чтобы прикрепить, нужно как минимум скатать два шарика. У трупа никаких следов пластилина на пальцах мы не обнаружили. Так что магнит к датчику крепил не сторож.

– Если его вообще крепили, – вяло улыбнулся Тарас и отправился разыскивать директрису.

Аллы Григорьевну он нашел в кабинете Гончарова. Она стояла у раскрытого шкафа и листала какую-то полуистлевшую книгу. За столом сидела миловидная черноволосая девушка лет двадцати двух. Красавица была настолько погружена в свою писанину, что даже не подняла головы на приход следователя. Алла Григорьевна напротив – расплылась в очаровательной улыбке.

– Что-нибудь нашли?

– Ищем, – неопределенно ответил Карасев, задерживая долгий взгляд на девушке. Она была в его вкусе. «Допросить что ли?» – подумал он.

– Алла Григорьевна, я хочу задать вам несколько вопросов относительно Локридского, – строго произнес Карасев, не сводя глаз с красавицы.

– Нет проблем! – с готовностью отозвалась директриса и сунула книгу в шкаф. – Пойдемте ко мне в кабинет!

Она кинула взгляд на сотрудницу и приказала:

– Когда закончите с аннотацией, займитесь тургеневскими письмами!

– Хорошо, Алла Григорьевна, – ответила девушка, подняв красивые глаза на начальницу.

– Это наше племя – младое, незнакомое, – пояснила директриса, когда они вышли из кабинета. – Очень талантливая девушка. И не по годам скромная.

– В чем же ее талант? – заинтересовался Карасев.

– Во всем! – ответила директриса. – У нее всеобъемлющее мышление и прекрасно развито чувство синтеза. Это важно для исследовательской работы. И потом, она очень живо интересуется историей нашего края, хотя сама приезжая.

Когда пара зашла в кабинет и села за стол, Карасев строго кашлянул и придал своему голосу официальный тон:

– Если можно, Алла Григорьевна, в двух словах обрисуйте убитого? Что это был за человек?

– Человек, как человек, – пожала плечами директриса. – Тихий, непьющий, бесконфликтный. Другие сторожа – три месяца проработают, ну от силы – год, и поминай, как звали. А Александр Яковлевич работает у нас, дай Бог, уже десятый год. Точнее, работал.

– Мне показалась, его несколько недолюбливает Зоя Павловна.

– Ну... понимаете... – замялась директриса, – человек он... не очень приятный. Хотя о покойниках плохо не говорят... Да и сказать-то о нем практически ничего плохого нельзя... Ну, что-то было в нем отталкивающее... Я не могу объяснить.

– Алла Григорьевна, пожалуйста, поконкретнее, – заинтересовался следователь. – Что в нем было неприятного?

Директриса подняла глаза к потолку и застыла.

– Как бы это объяснить? – скривила рот женщина. – Человеком он был каким-то серым. Всегда ходил в одной и той же одежде: в этом черном невзрачном пиджачке и синей рубашке. Хотя, повторяю, он не был отрицательным: не пил, не курил, не куролесил. Но рядом с ним было как-то не по себе. Понимаете, говоришь с ним об одном, а думаешь о другом: скорее бы договорить и уйти. Словом, это не объяснишь.

– Друзья у него были?

– Вряд ли. Он из тех, которые все держат в себе. Очень закрытый человек. Но это, нужно полагать, от трудного детства. Его родителей репрессировали. Он воспитывался в интернате... Хотя, знаете, Яковлевич был заядлым болельщиком. Футболом просто болел. Еще книги читал. И, кстати, все больше классику.

– Понятно! Но все-таки кому-то он перешел дорогу, если его убили?

– Я даже ума не приложу! – пожала плечами директриса. – Он был человеком совершенно безобидным. Не только никогда не перечил, но даже голоса не повышал...

В это время в дверь кабинета постучали.

– Пришли из ЖЭУ, – доложила вахтерша, обведя глазами комнату. – Красавцы вчерашние!

– Прекрасно! Зовите их сюда, – воспрянул духом Тарас.

Через минуту в кабинет ввалились два подвыпивших бича в промасленных робах. У первого косил глаз, у второго дергалась щека. Карасев подумал, что эти двое весьма дополняют друг друга. Несмотря на растерянность в глазах, вид у обоих был весьма бравый.

– Присаживайтесь! – сказал им Карасев.

Мужички послушно сели на стулья и вопросительно уставились на следователя.

– Представьтесь!

– Я Петров Колян... Э-э, Николай, то есть. А это Андрюха Ушаков, – подал голос «косящий глаз», кивнув на своего товарища. – Э-э... ЖЭУ номер четырнадцать.

– Ясно! – сдвинул брови следователь. – Уже в курсе, что вчера произошло после вашего ухода?

– Рассказывали, – закивали они головами.

– Ну, теперь вы рассказывайте: сколько вчера выпили?

Друзья переглянулись. Тот, что косил, виновато втянул голову в плечи, а «дерганная щека» обреченно развела руками.

– Да почти ничего и не пили. По бутылочке «Анапы» засосали и пошли домой. Это, так сказать, для поддержания тонуса. А без этого нельзя! Без этого работа не идет!

– Не идет! – с серьезным видом подтвердил косой глаз. – Да еще сыро в подвале. Вот мы по стакану и тяпнули... чтобы не простыть...

– Чисто, для здоровья, – поддержала «дергающая щека».

– Инструмент, значит, бросили в коридоре, а сами в забегаловку? – сдвинул брови Тарас.

Работники ЖЭУ снова недоуменно переглянулись, и тот, что назвался Коляном, отрицательно покачал пальцем:

– Нет! Никаких забегаловок! Лично я сразу отправился домой. Не знаю, как Андрюха.

– А что я? Я тоже потопал домой, – зажестиковал другой. – Да мы вместе же пошли по Карла Маркса. Забыл? По кружке пива вмазали в пельменной и по домам.

– Вмазали и по домам! – подтвердил слесарь с дергающейся щекой. – А то, что инструмент оставили в музее, так мы всегда его оставляем на объектах. Не тащить же его на участок. Контора уже закрылась. Она закрывается в шесть, а было уже восемь...

– Значит, вы ушли из музея последними?

– Почему последними? – возмутились мужики. – Зоя Павловна еще оставалась со сторожем. Они нас выпроводили и заперлись. Что между ними произошло, мы не знаем.

– И знать не хотим, – добавил слесарь с косящим глазом.

– Значит, знать не хотим, – выпятил челюсть Карасев. – И в котором же часу вы прибыли домой?

– Я лично в десять, – ответил Андрюха.

– И я в десять, – кивнул Колян.

– Кто это может подтвердить?

– Да кто угодно. Хоть жена! – захихикал «косящий глаз». – Я пришел домой, и как раз стали показывать «Вести». А после них в половине одиннадцатого начался футбол. Играл «Спартак» с «Динамо».

– И у меня может подтвердить его жена, – кивнула «дергающаяся щека». – Я имею в виду, моя жена, а не его. Хотя его – тоже может подтвердить. У нас жены – о-го-го!

– Наши жены... пушки заряжены...

– Хорошо! – перебил Тарас. – Допустим. Как я понял, вы живете рядом.

– Через дом. На улице Орлова.

– У нас там все орлы!

– Но отсюда до Орлова двадцать минут пешком, – сощурился Тарас. – А «Вести» начинаются в десять.

Мужики возмущенно переглянулись и нахмурились. От непонятливости следователя у Коляна закосил второй глаз.

– Так мы же заходили в пельменную засадить по кружке пива. Потом по пути завернули в подвальчик «Витязь». Еще по бутылочке взяли. Потом... куда мы еще заходили?

– На улицу Мира в рюмочную, – подсказал Андрюха.

– Точно! С миром шли! Побухивая! Никого не трогали.

– И так набухались, что решили вернуться в музей за инструментом? – сверкнул глазами Карасев.

– Э, не бери на понт, мусор! Не на тех наехал! Не возвращались мы за инструментом!

– На кой хрен нам сдались инструменты, когда мы и так опаздывали?

– Куда?

– На футбол.

Вопросы иссякли. Карасев задумался. Эти могли по-пьяни замочить сторожа. Но стереть отпечатки пальцев с ключа и не оставить ни единого следа от сапогов они, разумеется, не могли.

Тарас осмотрел их ноги и хотел спросить про размер сапог, но внезапно в кабинет без стука влетел милицкий следок. Он взглянул на слесарей и скорчил идиотскую физиономию.

«Что-то есть!» – встрепенулся Карасев и быстро выпроводил мужиков в коридор.

– Нашли магнит? – спросил Тарас.

– Если бы! – вытаращил глаза следователь. – Нашли кровь на пальцах у Берии...

6

– Если ты будешь молчать, то на всю жизнь останешься заикой! Твоя мама мне жаловалась, что из тебя за целый день не вытянешь ни слова. Запомни, для тебя это смерти подобно. Говори всегда, везде, обо всем. Не важно, о чем? Главное говорить. Ты меня поняла?

– Х-х-хорошо, Ол-ол-ллег, Е-е-ф-фремович!

– То-то же! Будь в себе уверена, Катенька, и все у нас получится! Ты веришь, что у нас все получится? Главное, верить и ни в чем не сомневаться. Посмотри на этих телевизионных ведущих! Борзости – лошади позавидуют! Вот уж кто действительно ни в чем не сомневается. Нести с экранов такую чушь, и даже не покраснеть! О времена, о нравы! Главное, произносить уверенно. И не важно, что. Когда говоришь уверенно, создается иллюзия, что говоришь о значительном. Главное, не бояться, что засмеют. Будь уверенной и не бойся сказать глупость. Важно не что говорить, а как. К тому же, поверь мне, красивым девушкам говорить глупости не возбраняется. Даже, напротив! А сейчас спокойной ночи. Завтра я тебе позвоню, и ты мне расскажешь, что тебе снилось.

– С-с-покойной н-ночи, Ол-ол-л-лег Е-е-ф-фремович...

Катя положила трубку на телефон и начала лениво разбирать постель. В комнату без стука вплыла мама. Она поцеловала дочь в висок и пожелала спокойной ночи. Перед тем, как удалиться, промокнула глаза платком и прошептала с надрывом: «Только ради бога не молчи! Тырываешь мое сердце».

Девушка потушила свет, зажгла ночной светильник и достала с полки любимого Вергилия. Нет, никогда она не расскажет логопеду своих снов, потому что они слишком красивые для этой невзрачной жизни. Потому что ей уже пятый месяц из ночи в ночь снится Александр Федорович.

Катя легла в кровать и блаженно зажмурилась. Она потянулась к скомканному в ногах одеялу, и Вергилий, выскользнув из рук, громко ударился об пол. Бедные поэты. В конечном итоге они всегда оказываются под ногами. Но поэзия в отличие от их служителей всегда на высоте...

И Катя с Александром Федоровичем, так же, как поэзия, тоже всегда оказывались в заоблачных высотах, едва она закрывала глаза. Они бродили по каким-то немыслимым садам и, не спеша, беседовали о великом грядущем и о невзрачном настоящем нынешнего мира.

Он брал ее руку и светящимся взором смотрел в глаза. В те минуты Александр Федорович был невероятно красив. Чистый Аполлон! Кстати, почему чистый? Он и был настоящим Аполлоном, златокудрым, тонкокожим Богом с умными глазами.

А она была Богиней в роскошной тунике, длинноногой с осиной талией и пышными волосами. Впрочем, нет! Она не была Богиней. Отец и мать ее были простыми смертными, хотя и царского рода. Но это не важно. Все равно он влюблено смотрел в глаза и тихо нашептывал на ухо:

– Предсказывать судьбы просто. Достаточно взглядеться в глаза. В них у простых смертных написано все.

Катя протянула руку к настольной лампе и, нащупав выключатель, подумала, что, наверное, бедного «Вергилия» все-таки следует поднять с пола. Что же несчастный любимец муз так и будет всю ночь валяться на боку между кроватью и письменным столом? Впрочем, это уже не важно. Это не важно, кто и где валяется в настоящее время. Потом время расставит все по своим местам.

Девушка щелкнула выключателем, и комната погрузилась в темноту. Сейчас он опять явится, ее милый Александр Федорович в алом плаще Аполлона. И они снова побредут по цве-

тушей оливковой роще, едва касаясь друг друга локотками. И теплый ветерок будет колыхать его золотые кудри и развивать ее воздушную тунику с золотой полоской у колен.

Катя почувствовала на своем запястье силу мужской руки и вдохнула лавровый запах кудрей. Синие глаза смотрели на нее с любопытством и любовью.

– Предсказывать судьбы просто. Достаточно взглянуть человеку в глаза. В них написано все.

«Но ведь, кроме этого, нужно знать, что у Богов на уме относительно этого человека», – подумала Катя, и Аполлон рассмеялся, услышав ее мысли.

– Боги расписывают судьбы, исходя из устремлений смертных. Рожденному ползать, никогда не заполучить прекрасной судьбы Икара. Боги всего лишь создают ситуации, а как в них поступать – забота людей. Истина земной жизни в том, что бессмертные не отвечают за поступки смертных. Так что людские судьбы в руках самих людей, а не бессмертных Богов, как они считают по своему невежеству. Поэтому предсказывать людям будущее также бессмысленно, как толочь воду в ступе.

– Нет! – покачала головой Катя. – Предсказание может оградить людей от лишних страданий.

– Лишних страданий не бывает, – покачал головой Аполлон. – Как не бывает излишне ледяной воды, в которую опускают для закалки только что выкованный меч.

– Но ведь бывает, что металл не выдерживает и трескается пополам! – ужаснулась она. – Неужели Богам не жалко людей?

– Если металл трескается, его перековывают, – улыбнулся Аполлон. – Запомни, Богоподобная: как смертным не нужны непрочные мечи, так и Богам не нужны гнилые смертные, потому что Они готовят их для грядущего бессмертия. Что касается жалости, то это свойство людей. Боги живут разумом, а не чувствами.

Последние слова вызвали у девушки двойное впечатление. Покровитель искусства говорил о людях в третьем лице. Кто же тогда она? Там, внизу раскинулось бескрайнее море, на берегу которого стоял ее родной город. Аполлон, услышав ее мысли, нежно взял спутницу за руку и кивнул в сторону высокой горы, достигающей до самых облаков.

– Ты не туда смотришь? Ты должна смотреть ввысь, – произнес он полупрошептом.

Покровитель искусств повернул ее лицом к упирающейся в небо горе, и девушка подумала, что снизу никогда не видела этой исполинской громадины. Бог улыбнулся и потянул ее за собой. И тут Катя сообразила, что Аполлон помышляет о ней ни как о Богине. Он хочет ее как простую женщину.

Девушка тут же высвободила руку, но Аполлон ухватил ее за локоть.

– Ты будешь жить среди Богов, как Богиня. Я научу тебя предсказывать судьбы.

– Но я хочу жить среди людей, – заупрямилась красавица.

– Ты будешь являться к людям в качестве любимицы Парнаса. Ты будешь рассказывать им про их жалкие жизни из небесной книги судеб. И они будут обожествлять тебя и поклоняться тебе, как бессмертной. Находясь же среди людей, твои предсказания не будут иметь ни малейшей силы.

– Почему? Разве истине не все равно из чьих уст она извернута.

– Истине, разумеется, все равно, ибо она уже есть истина. А людям нет. Богам они еще могут поверить на слово, себе подобным – никогда! Смертные подобную веру должны заслужить. Люди не доверчивы друг к другу, потому что горды и тщеславны. Находящиеся под властью гордыни не стремятся к истине. Они стремятся к удовлетворению собственного тщеславия.

– Неправда! Они также разумны, как Боги.

Аполлон снисходительно улыбнулся, щелкнул пальцами, и в ту же минуту в его руках оказался прозрачный осколок горного хрусталя.

– Через это стекляшку ты можешь увидеть будущее. Я дарю тебе ее.

Девушка радостно приняла подарок Аполлона, робко взглянула в него, и в ее глазах отразился ужас.

– О Боги, что я вижу? Пожар в моем родном городе! Его разрушат греки. И разрушение Илиону принесет мой старший брат Парис, которого я никогда не видела?

– Скоро ты его увидишь! – едва заметно усмехнулся сын Зевса. – Парис уже в городе.

Аполлон подошел к Кате так близко, что у нее закружилась голова. Он приблизил свои глаза к ее глазам и мягко взял девушку за оба запястья.

– Пойдем со мной. Там, внизу, ты ничего не сможешь сделать для своего города...

– Смогу! – воскликнула упрямец и вырвала обе руки. – Я расскажу троянцам, что на город хочет навлечь беду Богиня Афродита, пообещавшая Парису жену спартанского царя.

– Пойдем со мной! – устало произнес Аполлон, коснувшись ее туники. – Если ты вернешься назад, то сделаешь только хуже. Города спасают не бессмысленные вопли пророков, а стремление людей к горным высотам.

Но дочь царя Приама уже торопливо бежала с горы, зажимая в руках бесценный подарок Аполлона – этот треугольный кусочек горного хрусталя, в котором видно будущее.

В ту минуту, когда царевна вбежала в город через Скейские ворота, состязания уже закончились. Вся Троя говорила о том, что в борьбе всех царских сыновей победил какой-то неизвестный красавец-пастух по имени Парис. Встревоженная девушка кинулась к храму Зевса, куда обычно после турниров заходили отец с матерью, чтобы вознести жертву отцу Богов.

В храме перед алтарем Зевса уже стояли ее родители – Приам и Гекуба. Катя подошла к ним и вдруг услышала сзади возмущенные крики. Все, кто находились в храме, повернули головы и увидели, как в святилище, бледный от ужаса, вбежал он, еще никому неизвестный Парис, ее брат, губитель Трои. Он сразу бросился на алтарь, а за ним с мечом в руках вбежал ее младший брат Деифоб.

– Как ты смел, ничтожный голодранец, состязаться с царскими сыновьями? – воскликнул багровый от гнева Деифоб, занося меч над головой неизвестного красавца.

– О Зевс, спаси меня! – воскликнул Парис, закрывая руками голову.

– Умри, презренный пастух! – прохрипел Деифоб.

Он уже приготовился разmozжить мечом в куски кудрявую голову Париса, как вдруг в наступившей тишине раздался испуганный Катин крик.

– Не смей убивать перед алтарем!

Меч Деифоба повис в воздухе. Все взоры устремились на царскую дочь.

– В чем дело, Кассандра? Ты не больна? – спросил брат, по-прежнему держа меч над головой Париса.

– Это не голодранец, Деифоб, и не простолюдин. Он такой же царской крови, как и мы. Эта наш старший брат.

Поднятый меч Деифоба начал медленно клониться к мраморному полу, а троянцы в храме, издав изумленный гул, в страшном смущении отступили назад.

– Сын нашелся! – неожиданно вскрикнула мать и первой кинулась с раскрытыми объятиями.

После этого в храме все пришло в движение. Вслед за матерью Париса горячо обнял отец. Наконец и сам Деифоб, вложив меч в ножны, протянул руку своему старшему брату. А откуда-то взявшийся Гектор, обнял пастуха за плечи и вывел из храма вон.

– Стойте! – крикнула Кассандра. – Париса надо изгнать из города. Ему предначертано погубить Трою!

Только в этом радостном шуме никто не услышал вещих слов царской дочери. Париса под восторженный крик толпы и радостный плач родителей повели во дворец. Кассандре ничего не оставалось, как упасть лицом на алтарь и горько разрыдаться.

Храм опустел. В нем стало тихо и безжизненно, словно в гробнице. Ощущая лбом холодный мрамор, Кассандра думала о том, что сейчас вызывать родителей к рассудку не имеет ни малейшего смысла. Завтра, когда все успокоится и уляжется, она напомнит отцу о древнем пророчестве.

Неожиданно на голову жрицы легла чья-то горячая ладонь. Кассандра вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял Аполлон.

– Если бы ты пошла со мной, то никто бы не остановил твоего младшего брата, – произнес Аполлон. – Деифоб отрубил бы Париса голову и, тем самым, спас бы священную Трою.

– Но прогневил бы Зевса, – ответила Кассандра. – Завтра я расскажу троянцам правду о Парисе, и они прогонят его.

– Тебе никто не поверит, – грустно улыбнулся Аполлон.

7

Карасева точно ветром сдуло со стула. Он помчался за следователем по коридору в зал с восковыми фигурами. Вокруг воскового Берия уже копошились опера и эксперты. Его интенсивно фотографировали, ощупывали, рассматривали через увеличительные стекла. На розовые ладони фигуры наносили кисточкой порошок. Тут же рядом крутились любопытные сотрудники во главе с директрисой. Они горячо обсуждали неожиданную находку экспертов и давали криминалистам советы на предмет обнаружения отпечатков пальцев.

«Чертова провинция! – простонал про себя Тарас. – Здесь даже следствие без вмешательства посторонних провести нельзя!»

Следователь подошел к директрисе и с раздражением сказал, что был бы счастлив, если бы персонал музея наконец занялся своими делами. Директриса намек поняла.

– Все по местам! – скомандовала она, звонко хлопнув в ладоши. И сотрудники хоть неохотно, но все-таки покинули зал. Остались только трое: сама Алла Григорьевна, питерский представитель выставки Олег Смирнов и смотрительница зала Вера Алексеевна. Глаза ее были наполнены ужасом. Она трижды порывалась подойти к следователю, чтобы сообщить что-то чрезвычайно важное, но Карасеву было не до нее.

– Вот смотри, – показал на пальцы «Соколиный глаз», протягивая следователю увеличительное стекло.

Но и без стекла было видно на розовых пальцах фигуры темные пятна запекшейся крови. Сам Берия был невозмутим. Он с затаенной усмешкой смотрел сквозь свои узкие очки на копошившихся вокруг экспертов, и, казалось, еще немного и он прикажет оставить его в покое.

Тут же на его ботинке обнаружили еще две капли крови. После чего, на ковре неподалеку нашли еще одну запекшуюся каплю. Эксперты скрупулезно отследили путь от дверей в зал до восковой фигуры и на пути предполагаемого следования обнаружили еще несколько бурых капель.

– Как ты думаешь, чья это кровь? – удивленно спросил Карасев у судебного врача.

– Убитого, конечно, – поднял плечи Саша. – Хотя, откуда мне знать. После экспертизы скажу точно.

Карасев повернулся к милиционерскому следователю.

– Что ты по этому поводу думаешь?

– Не знаю, что и думать, – развел руками следак.

– Я знаю! – вывернулась из-за спин смотрительница зала. – Я знаю, кто убил Локридского.

Все подняли головы и хмуро уставились на нее. Вера Алексеевна испуганно покосилась на Берия, на Ивана Грозного, затем на семейство Николая Второго, после чего вцепилась в руку Карасева и потащила его в вестибюль. Однако не успели они дойти до двери, как услышали сзади удивленное оживление следственной бригады.

Карасев оглянулся и поднял брови. В руках у «Соколиного глаза» белела продолговатая пластмассовая штучку, которую он осторожно держал через носовой платок.

– Вот и магнит! – подмигнул он Карасеву.

– Где ты его нашел? – удивился следователь.

– В левом кармане пиджака Берии.

Карасев вернулся, взял через платок находку и осмотрел. Сигнализационный магнит был вымазан в пластилине.

– Он! – коротко произнес следователь и победно щелкнул пальцами.

После этого на магнит нанесли порошок, но пальчики не проявились. Соколов запаковал находку в целлофан и сказал, что в лаборатории поработает с уликой более тщательно. Только

после этого смотрительница снова завладела локтем следователя. Она вытащила его в коридор, с опаской посмотрела по сторонам и с вытаращенными глазами прошептала:

– Александра Яковлевича убил Берия.

Вера Алексеевна отпрянула от Карасева, чтобы полюбоваться реакцией, однако на лице Тараса не дрогнул ни единый мускул. Тогда Вера Алексеевна с жаром добавила:

– Спросите, у кого хотите! Вам все скажут, что сторожа отоварил Берия. И знаете за что? За то, что Яковлич плюнул ему в морду.

Смотрительница снова сделала шаг назад, чтобы отследить реакцию и, наконец, с удовлетворением отметила, что брови Карасева поползли к переносице.

– Не понял. Как это плюнул? – спросил Карасев.

– А вот так: тьфу! И слюну с лица не стер. Смирнов как увидел такое дело, так чуть его не убил. Словом, скандалище было грандиозное! Весь музей стоял на ушах. Если бы не Григорьевна, сторожа бы грохнули еще тогда! Вот так! Потом, когда инцидент замяли, Олег подошел к Яковличу и так тихо-тихо ему говорит, а у самого аж из глаз брызжет: «Живи пока, Локридский, но не думай, что тебе это даром пройдет...»

Вера Александровна зыркнула по сторонам и поманила следователя пальцем:

– После этого Смирнов приказал всему персоналу музея к Берии ближе чем на три метра не приближаться, потому что его душа стоит за фигурой. Она, по его словам, шастает за фигурой по пятам уже третий год. Вот вам крест истинный, – перекрестилась Вера Алексеевна, – это было все на моих глазах. А еще при этом присутствовали Григорьевна и Александрова.

Смотрительница снова тревожно покрутила головой, после чего преданно впиалась в глаза. Карасев скептически улыбнулся.

– Извините, Вера Алексеевна, но я так и не понял: зачем Локридский плюнул в фигуру?

– Да потому и плюнул, что злой он на Берию, – с раздражением пояснила смотрительница. – Понимаете, Берия репрессировал его родителей. Когда отца Яковлича забрали, ему было всего семь лет. Сначала отца взяли, а через год мать. С тех пор он родителей не видел. Сиротой вырос. В детдоме рос. Вот почему он злой на Берию.

– Что за сказки вы рассказываете, Вера Алексеевна? – снисходительно покачал головой Карасев. – Восковая фигура убивает сторожа? Это уже слишком!

– А вы не смейтесь, – затрясла головой Вера Алексеевна. – Эти фигуры живые. Вам здесь все скажут. Про это даже с телевидения приходили снимать. Да что говорить, – смотрительница снова с опаской покосилась по сторонам: – Я сама видела, как они шевелились. А сколько раз я заставляла их в других местах? Не поверите, но императрицу Анну однажды нашли в коридоре. Вот так! И еще я заметила, что Берия по ночам пристает к княжне Марии...

Карасев уже хотел покаться со смеху, но в это время в коридор вышла директриса. Вера Алексеевна молниеносно переменилась в лице и, выразительно взглянув на следователя, проворно юркнула в зал.

– Что она вам наплела? – встревожилась Алла Григорьевна. – Наверное, говорила, что Локридского убил Берия? Вы ее не слушайте! Музейные работники все немного чокнутые.

На лице директрисы не читалось и намек на юмор.

– Да, именно это она мне сказала, – кивнул Карасев, давая улыбку. – Скажите мне, что за конфликт произошел между Локридским и администратором выставки?

– Вряд ли это можно назвать конфликтом, – скрестила руки директриса. – Локридский, я вам говорила, всегда такой тихий, а тут, когда начали устанавливать фигуры, точно с цепи сорвался. Стал нервничать, бурчать, грозить кому-то кулаком. А когда увидел Берию, побелел от злости. Ни с того ни с сего принялся крыть его последними словами и жаловаться, что из-за него он до восемнадцати лет скитался по детским домам. Ну, Смирнов шутливо ему говорит, мол, прекращай ругаться, Яковлич, Берия все слышит. Он здесь, рядом, поскольку на небо его не взяли. Тут Локридский совсем рассвирепел: схватил молоток и кинулся на фигуру. Олег

естественно – наперерез. Вырвал молоток и оттолкнул Яковлича. Тот толкнул Олега. И пошло, поехало. Совсем спятили мужики. Сколько работаю, никогда такого не видела. Смирнов оттаскивает Локридского от экспоната, а тот еще больше раскошегаривается. В конце концов, Локридский сбил Смирнова с ног, подбежал к Берии и плюнул ему в глаза. Олег в драку! Охота ему за всеми слюни вытирать? Ну, я вмешалась и разняла. Локридского выгнала из зала. После этого Олег с Яковличем две недели не здоровались. Потом, правда, помирились. Даже, кажется, бутылочку распили в каптерке.

«Значит, без бутылочки не обошлось», – улыбнулся про себя Карасев, а вслух уточнил:

– Я слышал, что администратор пригрозил отомстить за Берию?

– О нет! Все было не так. Не администратор, а сам Берия намеривался отомстить! Как объяснил Смирнов, душа Берии пребывает неподалеку от своего двойника. Как-нибудь ночью она вселится в фигуру и рассчитается со сторожем за обиду. Ой! – хлопнула себя по губам директриса, – и правда рассчиталась.

Алла Григорьевна испуганно посмотрела по сторонам и торопливо перекрестилась. Тревога почему-то передалась и следователю. Он зябко поежился и спросил:

– Неужели вы действительно думаете, что восковая фигура отомстила за себя?

Директриса перешла на полусшепот:

– Эти фигуры могут все. Они живые.

– Не понял. Что значит живые? – нахмурился Тарас, подозревая, что его дурачат.

– Я сама до этой экспозиции не верила ни в какую мистику, – перешла на полусшепот директриса. – В нашем музее каждый год проходят выставки восковых фигур. Но эти фигуры отличаются от других. Такое ощущение, как будто они все чего-то затаили. Но это цветочки. Представляете, они ночью, – директриса испуганно оглянулась, – сами... пе-ре-мещаются...

Внезапно Алла Григорьевна вздрогнула и метнула сумасшедший взгляд куда-то мимо следователя. Тарас оглянулся и тоже вздрогнул. В проеме полутемной арки стояла застывшая фигура какой-то женщины. В ту же секунду фигура пошевелилась и скучным голосом произнесла:

– Алла Григорьевна, привезли жену Локридского. Пропустить?

– Аня, это ты? – подала голос директриса и облегченно выдохнула. – Ты так тихо подошла, что напугала.

– Значит, богатой буду...

– Давайте, ведите ее сюда, – приказал Карасев.

Через минуту к месту происшествия препроводили супругу Локридского. Следователь незаметно присмотрелся к ней. Она была невысокого роста, невзрачной и совершенно плоской. Черные волосы с сединой были гладко зачесаны назад, маленькие колючие глазки почти не моргали, плотно сжатые губы без единой кровинки, на татарских скулах никаких признаков румянца. Вид ее был суровый и не выражал ни малейших эмоций.

Она молча осмотрела труп и, аскетично кивнув, коротко произнесла через плотные губы:

– Да, это он.

Ее голос был немного с хрипотцой. В глазах – полнейший мрак. Когда ее выводили, Тарас заметил, что женщину немного занесло. «Сейчас разрыдается», – подумал он. Но ошибся. Локридская не обронила ни единой слезинки.

Карасев догнал ее в вестибюле. Он взял ее за рукав и осторожно спросил, не заметила ли она чего-нибудь необычного, когда ее муж собирался на работу: перемену настроения, озабоченность, беспокойство? Женщина отрицательно покачала головой и проследовала к выходу. Однако у дверей неожиданно обернулась и вонзила в следователя свой колючий взгляд.

– Ему перед этим приснился странный сон. Будто он плыл на каком-то корабле и попал в шторм. Затем корабль бросило на скалы и разбило. Все утонули, а он один уцелел, потому что руками зацепился за скалу. И вот он висит на скале и радуется, что все утонули, а он живой.

Но, когда он стал подтягиваться на руках, чтобы выбраться на гору, скала оторвалась и вместе с ним рухнула в море...

8

Теперь пришло время побеседовать с Александровой. Когда она вошла в кабинет директрисы, Карасеву захотелось выскочить из-за стола и галантно выдвинуть стул по всем законам светского тона, хотя никакой галантностью Карасев не отличался. «Оказывается галантности не нужно учиться, она пробуждается сама при виде дам подобного рода», – сделал открытие следователь.

Александрова имела пышные кудрявые волосы, осиную талию и длинные ноги. Бархатные джинсы подчеркивали ее грациозность, а голубая блузка придавала лицу аристократическую белизну. На лице – никакой косметики. Губы, как вишни, брови ниточками, на щеках очень милые ямочки. Карие глаза с пышными ресницами, казалось, пронизывали насквозь.

– Садитесь! – кивнул Карасев на стул.

Она грациозно опустилась на предложенное место и вопросительно посмотрела на следователя. «Если все свидетели будут так смотреть, то не ровен час начну заикаться», – вздохнул про себя Тарас и сделал серьезную мину.

– Скажите, Екатерина Алексеевна, в котором часу вы вчера ушли с работы?

Взгляд девушки заволокло дымкой.

– Как всегда, в шесть, – ответила она и снова метнула любопытный взгляд на следователя.

– А в котором часу пришли сегодня?

– Ровно в девять. Может быть, без пяти.

– Насколько мне известно, вы пришли раньше вахтера. То есть сразу после Михайловой. Вы всегда так приходите? – напустил на себя важность Карасев.

– Разве приходит рано возбраняется? – тонко улыбнулась Александрова. – К тому же, я пришла не сразу после Зои Павловны, а после Аллы Григорьевны. Так что вас ввели в заблуждение. А вахтерши действительно не было. Это правда. Обычно она приходит без двадцати, но сегодня опоздала.

– Странно, – хмыкнул следователь. – А Алла Григорьевна утверждает, что явилась после вас, но с этим мы разберемся. Итак, после того, как вы переступили порог музея, кто первым вам встретился в вестибюле?

– Милиционер! Он него я узнала, что убили сторожа.

– Куда вы направились потом?

– К себе в кабинет.

– Сразу направились в кабинет?

– Нет, не сразу. В коридоре лежал труп. Мне было страшно переступить через него. Поэтому я спустилась в туалет. Когда поднималась, тогда я встретила Аллу Григорьевну. Она была без сумки.

– И поэтому вы решили, что она пришла раньше?

– Нет! Мне об этом сказал милиционер.

Следователь замолчал, уловив, что здесь что-то не то. Затем спросил:

– Что вы можете сказать о Локридском?

Девушка подняла глаза к потолку и пожала плечами.

– Практически ничего. Мы с ним по долгу службы не сталкивались. Так, старикашка, как старикашка.

– Но вы, насколько мне известно, присутствовали при его драке со Смирновым.

– Из-за Берии? – улыбнулась Катя. – Да, я была. Помню! Когда привезли восковые фигуры, сторожа позвали разгружать экспонаты. Затем заставили его распаковывать ящики. Он был очень недоволен, что его привлекли к общественным работам. Сначала ворчал, что

такелажником не нанимался, потом, увидев, что недовольство не доходит до ушей начальства, сорвал досаду на Берии.

– Как это проявилось?

– Обычно. Сначала ругался, потом стал размахивать кулаками. Мы все смеялись, думали, что Локридский шутит. Оказывается, нет. Чем больше мы смеялись, тем больше он распалялся. Потом схватил молоток и кинулся на Берию. Смирнов отнял у него молоток. Тогда Локридский плюнул фигуре в лицо. Олега это очень возмутило. А кого такое не возмутит? Он схватил Яковлевича за грудки и вытащил в коридор. Там они начали драться. Но Алла Григорьевна их разняла.

– Разняла и отослала Локридского в каптерку?

– Да, сторож добился, чего хотел. Его отстранили от общественной работы...

– Значит, по-вашему, Локридский затеял скандал для того, чтобы отстраниться от дела? – поднял брови Карасев.

– Думаю, да. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. Он ужасный лентяй. Ему проще удавиться, чем лишний раз пошевелить пальцем.

– Понятно... – кивнул следователь. – Ну, а что это за история с императрицей Анной?

Катя хлопнула ресницами и зябло передернула плечами.

– Это случилось во время дежурства Коробкова. Первой пришла на работу Котельникова, наша вахтерша. Как она рассказывала, звонила полчаса и била ногами в дверь, но до Коробкова не доходило. Потом выяснилось, он с вечера закапал уши борным спиртом и заткнул их ватой. Спиртом от него действительно пахло. Видимо, очень много закапал. Потом, когда он, наконец, услышал звонок и впустил Анну Владимировну, снова вернулся в каптерку и завалился спать. А тетя Аня стала ждать Аллу Григорьевну. Как вахтерша рассказала, ей захотелось в туалет, но она боялась идти через зал с восковыми фигурами, поэтому дождалась директрису. Вдвоем они вышли в фойе, и вдруг перед дверьми увидели императрицу Анну. Женщины завизжали, разбудили сторожа, но от него ничего не добились. Коробков уверял, что ничего не слышал, не видел, и эту тетку в фойе видит впервые. Только потом, когда явился Олег, мы более-менее успокоились. Смирнов объяснил, что на подобные явления не стоит обращать внимание. Такое случается во всех восковых салонах мира. Дело пустяшное – выведенного яйца не стоит. В результате императрица была возвращена на место, и инцидент, можно сказать, исчерпан. Но когда мы ее втаскивали в зал, заметили, что Иван Грозный тоже был в другом месте. Он стоял рядом со Сталиным плечом к плечу. Царя вернули в его угол, а Коробкову впаляли строгий выговор. Вот, собственно, и все.

– И больше такое не повторялось, после выговора Коробкову? – поинтересовался Карасев.

– Точно такое – нет! Но что-то наподобие – случалось каждый день.

Карасев с улыбкой смотрел на Александрову и думал, что если бы такую ахинею нес кто-нибудь другой, то это воспринималось бы как издевательство. А из уст этой девушки получалось очень даже мило.

– И что же еще случилось?

– Много чего. Вы лучше у Веры Александровны спросите. Она много интересного расскажет про фигуры. Вера Александровна несколько раз видела, как они оживали. А однажды, когда она задремала, по ее волосам провел рукой царевич Алексей.

Карасев не выдержал и рассмеялся.

– Обязательно об этом расспрошу. Но вы сами-то что-нибудь эдакое видели?

– Видела. Это было неделю назад. Как-то во время обеденного перерыва я проходила через пустой зал с фигурами и вдруг совершенно отчетливо увидела боковым зрением, как Берия в мою сторону повернул голову. Я, естественно, развернулась и побежала обратно. Заперлась в кабинете и весь обеденный перерыв прощелкала зубами. Успокоилась только после

того, как сотрудники вернулись с обеда. С того дня – как отрезало. Больше через зал с фигурами одна не хожу.

Карасев всмотрелся в ее красивые глаза и не уловил в них ни малейшей тени иронии. То, что она его дурачит, следователь понял сразу. Только не понял, зачем? Что это: разновидность кокетства, или она его не принимает всерьез в качестве следователя? А может, у нее такой завуалированный юмор? «Нет-нет, красotka не так проста, как хочет казаться», – подумал Тарас и сказал, что вопросов больше не имеет.

И когда она вставала, Карасеву снова захотелось выскочить из-за стола и услужливо ухватиться за спинку стула, как в лучших домах. А потом забежать вперед и распахнуть перед ней двери. А потом нежно взять за локоток и попросить телефон. Хотя с телефоном, пожалуй, будет перебор.

Поднявшись с места Александрова красиво проследовала к двери, вежливо оглянулась и покинула кабинет. Сразу сделалось и скучно и грустно.

Следователь поднял трубку и попросил вахтершу, чтобы она отыскала администратора фигур. Через пару минут администратор угрюмо топтался на пороге.

– Проходите, Олег Константинович и присаживайтесь, – вежливо пригласил Карасев, кивнув на кресло.

Смирнов шумно вздохнул и плюхнулся на стул напротив следователя. Его взгляд был сердитым. Он смотрел исподлобья и недовольно сопел. Администратору было около сорока. Седые виски, лысеющая голова, между бровей глубокомысленная морщина. Он был напряжен и чувствовал себя виноватым. Это не могло ускользнуть от внимания следователя.

– Традиционный вопрос, Олег Константинович, – начал Карасев. – В котором часу вы вчера ушли с работы?

– Как и все, в шесть, – ответил Смирнов.

– Вы ушли с кем-то из сотрудников?

– Почему обязательно с кем-то? – ошетинился Смирнов. – Я ушел один. Если ушел, как все, в шесть, это не значит, что непременно с кем-то в обнимку!

– А почему вы так нервничаете, Олег Константинович? – сверкнул глазами Карасев.

– Как же мне не нервничать, когда я подозреваемый номер один, – тряхнул головой администратор.

– Кто вам об этом сказал? Алла Григорьевна?

– И без Аллы Григорьевны понятно, что это убийство повесят на меня. На кого же еще? Если моя восковая фигура замочила сторожа, то ясное дело – сидеть за нее буду я. Экспонат же не посадят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.